

Да, все было сном. Включая вчерашнюю встречу в локальной сети.

Эта мысль вертелась в голове у Харуюки на следующий день, в среду, когда он с обычным своим унылым видом пришел в школу.

На уроке было полное дежа вю — снова мэйл с угрозами от Араи и компании. Впервые они выбивали из него обед два дня подряд; как и вчера, требовали две булки с якисобой и одну с дынным повидлом. Обожают они их, что ли — с этой мыслью Харуюки закрыл мэйл и, как только прозвучал звонок на большую перемену, сразу вышел из класса.

На непослушных ногах он направился вовсе не на крышу, куда его вызвала компашка Араи, а на первый этаж учебного корпуса, где рядом со школьной столовой располагалась рекреация.

Полукруглый зал рекреации, в отличие от столовой с ее дешевыми длинными столами, был уставлен изящными белыми круглыми столиками. За выходящим во двор большим окном, благодаря которому в рекреации было светло, виднелись раскрашенные осенью деревья. Вне всяких сомнений, здесь было самое элитное место во всей средней школе Умесато.

И потому существовало неписаное правило, согласно которому первоклассники сюда не допускались. Банты и галстуки всех учеников, сидящих за столиками, были синими (второй класс) или бордовыми (третий класс) — ни одного зеленого.

Половина старшеклассников болтала друг с другом, держа в руках чашечки с чаем или кофе; вторая половина откинулась на спинки стульев, закрыв глаза — они не спали, а бродили по школьной сети в Полном погружении.

Харуюки, спрятав свое толстое тело за декоративным растением перед входом в рекреацию, заглянул внутрь.

Ее здесь не должно быть, вчера был просто сон, он больше чем наполовину верил в это — но.

— ...Она здесь...

Он невольно сглотнул. В самой глубине рекреации, за столиком возле окна, располагалась весьма выделяющаяся компания. Шесть человек, все из второго и третьего классов. Приглядевшись, Харуюки понял, что знает их — это были члены студсовета. Там были и парни, и девушки, и все такие красивые.

Сильнее всех в этой группе выделялась девушка с синим бантом, меланхолично перелистывающая страницы книжки в твердом переплете. Длинные, спадающие до пояса волосы глубокого черного цвета, какой в наши дни встречается редко. Такие же черные чулки на ногах, торчащих из-под темно-серой плиссированной юбки. К удивлению Харуюки, блузка с открытым воротником под блейзером тоже оказалась блестяще-черной. Вне всяких сомнений

— это и была самая знаменитая персона в средней школе Умесато, Черноснежка.

От входа в рекреацию до того дальнего столика по прямой было меньше 20 метров. Но Харуюки эта дистанция казалась бесконечной. Пройти туда мимо старшеклассников — такой квест ему просто не выполнить.

Повернуться и пойти обратно. Купить в столовке булки и йогурт и отнести на крышу Арае и его друзьям. Потом спрятаться в туалете второго корпуса и там убивать время за однопользовательскими играми в локальной сети.

...Дерьмо. Блин. Пойду.

Харуюки стиснул зубы, вышел из-за растения и шагнул в рекреацию.

Ему вовсе не казалось — взгляды старшеклассников из-за ближайших столиков действительно были полны осуждения и недовольства. Новенькому простительно не знать, но во второй половине второго семестра уже любой первоклассник был в курсе, что сюда нельзя.

Однако, к счастью, никто не сказал Харуюки ни слова. Его трясущиеся ноги добросовестно понесли тяжелое тело между столиками — Харуюки почти перестал дышать — и вот он уже в самой глубине рекреации, где собрался студсовет.

Первой подняла голову второклассница, сидящая к Харуюки ближе всех. Ее пышные волосы колыхнулись, когда она повернулась к нему и с чуть вопросительной улыбкой вежливо поинтересовалась:

— О... у тебя какое-то дело?

«У меня есть дело». Этого произнести Харуюки был не в силах и лишь промямлил:

— Это... в общем... эээ...

Тут на Харуюки посмотрели еще четверо членов совета. В их лицах недовольства не было, но град презрительных взглядов из-за окружающих столиков был совершенно невыносим. Когда Харуюки от напряжения почти уже лишился чувств, последний член студсовета наконец поднял голову от книжки.

Впервые Харуюки видел невооруженным глазом лицо Черноснежки с близкого расстояния, и оно оказалось во много раз красивее, чем лицо аватара, которое он (думал, что) видел накануне. Под аккуратным прямым пробором, под четкой линией бровей ярко сияли угольно-черные глаза. Если ее аватар можно было сравнить с черной розой, то ее саму — с черным нарциссом. Харуюки понятия не имел, такая штука вообще существует или нет.

Он приготовился увидеть на ее красивом лице вопросительное выражение, вполне уместное при виде нескладного первоклассника.

Однако, к его глубочайшему изумлению, розовые губы Черноснежки изогнулись в знакомой улыбке, и она коротко сказала:

— Ты пришел, мальчик.

Захлопнув книжку, она встала, жестом пригласила Харуюки подойти ближе, и ее взгляд обратился на остальных членов студсовета.

— Мне надо с ним поговорить. Прошу прощения, не мог бы ты освободить место?

Последняя фраза была обращена к третьекласснику, сидящему рядом с ней. Высокий парень с короткой стрижкой встал и движением руки предложил Харуюки занять свой стул; лицо у него было совершенно обалдевшее.

Пробормотав «спасибо», Харуюки съехался, насколько мог, и сел. Хлипкий стул протестующе закрипел, но Черноснежку это явно не волновало; покопавшись в левом кармане блейзера, она извлекла пакетик с чем-то маленьким, но длинным.

Это был кабель. Провод, экранированный тонкой серебряной оплеткой, с разъемами на обоих концах. Левой рукой Черноснежка приподняла волосы на затылке; на удивительно тонкой шее обнаружился нейролинкер (разумеется, лаково-черный); правой рукой она вставила в нейролинкер один из разъемов и небрежно протянула второй конец Харуюки.

Вот тут во всей рекреации, до того смотревшей выжидательно, поднялся дикий шум. Отовсюду доносилось «что такое?» и «не может быть!»

Харуюки тоже был в шоке. По лицу градом покатился пот.

«Связь через прямое проводное соединение».

Обычно ее называют просто «Прямым соединением»; именно это Черноснежка и предлагала сделать Харуюки. В норме нейролинкеры сообщаются между собой по беспроводным протоколам, используя местные сети, и эта связь защищена множеством систем безопасности. Однако при Прямом проводном соединении 90% этих систем бесполезны. Люди с определенным уровнем мастерства в обращении с нейролинкером могут заглядывать другим в личные данные и устанавливать вредоносные программы.

Говоря нормальным языком — Прямое соединение используется только с теми, кому человек безоговорочно доверяет, — с членами семьи или с любимыми. Можно сказать и по-другому: если парень и девушка в общественном месте используют Прямое соединение, то, скорее

всего, они встречаются. Длина кабеля служит мерой их близости — это просто обычай, никакого технического обоснования тут нет.

XSB-кабель, который протягивала Черноснежка, был в длину метра два; впрочем, в данной ситуации длина значения не имела. Глядя на блестящий серебряный разъем, Харуюки каким-то чудом сумел выдавить:

— ...Э, эмм, что мне с этим...

— По-моему, с ним ничего нельзя сделать, кроме как воткнуть себе в шею, — мгновенно подтвердила его опасения Черноснежка. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Харуюки трясущимися пальцами принял разъем и вставил в свой нейролинкер.

Тут же перед его глазами возникло предупреждающее сообщение «Проводное соединение». Когда оно исчезло, все потускнело, лишь фигура Черноснежки осталась такой же яркой и отчетливой, как и была.

Ее чуть улыбающиеся губы не шевелились, однако в мозгу у Харуюки раздался шелковый голос.

«Прости, что заставила тебя прийти сюда, Харуюки Арита-кун. Ты умеешь говорить мысленно?»

Имелось в виду умение общаться через линкер, не двигая губами. Харуюки кивнул и ответил:

«Да. Это... зачем вообще это все? Это что, такой навороченный, ну... розыгрыш, или что?»

Он думал, что Черноснежка рассердится, но она лишь хмыкнула и слегка покачала головой.

«Ну... в каком-то смысле ты можешь оказаться прав. Потому что я сейчас перешлю в твой нейролинкер некое приложение. Если ты его примешь, твоя нынешняя реальность будет полностью разрушена, а взамен появится новая, которую ты и представить себе не можешь».

«...Ре, реальность... разрушена?..» — повторил Харуюки в изумленном недоумении.

Он уже не видел полных любопытства лиц учеников вокруг их столика, не слышал их шумных комментариев. Лишь слова Черноснежки всё повторялись у него в голове.

Старшеклассница в черном снова улыбнулась Харуюки, потом подняла правую руку, и тонкие белые пальцы сделали какое-то скользящее движение.

Тут же раздалось звонкое «пон!», и появилось голографическое сообщение.

Знакомое системное сообщение; однако Харуюки казалось, что это окно обладает собственной волей, которая заставляет его принять решение.

Если руководствоваться здравым смыслом, то запускать неизвестную программу, присланную незнакомым человеком через Прямое соединение, — просто идиотизм. Нужно выдернуть кабель сейчас же. Однако сделать это Харуюки почему-то не мог. Вместо этого он посмотрел на собственное тело, вжавшееся в стул.

...Реальность. Моя реальность.

Вялое тельце. Никчемная внешность. Вечные издевательства и бегство в сеть. И в первую очередь — он сам, неспособный изменить ситуацию. Ну раз ничего не изменится, то и ладно; он давно сдался.

Харуюки поднял голову и взглянул в черные глаза девушки напротив.

Через полсекунды он поднял правую руку и вжал палец в кнопку «ДА». При виде легкого удивления на лице Черноснежки в сердце его прокралось удовлетворение.

«Хочу этого. Хочу, чтобы эта реальность... исчезла», — прошептал он; и тут же.

В его поле зрения ворвались громадные языки пламени.

Рефлекторно Харуюки весь сжался — ему показалось на мгновение, что огонь сейчас его подхватит и унесет; однако потоки пламени постепенно собрались прямо перед ним и превратились в логотип. Дизайн логотипа явно был не нов. Жесткий такой дизайн; он напомнил Харуюки о некоем популярном в конце прошлого века файтинге.

Слова, возникшие перед его глазами, были — «BRAIN BURST»[□]Название «Brain Burst» можно перевести как «разгон мозга»..

Так Харуюки познакомился с программой, которой предстояло коренным образом изменить его самого и его реальность.

Установка программы длилась полминуты. Приложение было просто гигантским, даже для нейролинкера.

Наконец полоска-индикатор под горящим логотипом доползла до 100%; Харуюки нервно сглотнул и стал ждать, что будет дальше. Реальность — будет разрушена; так сказала Черноснежка. И в чем именно это проявится?

Индикатор исчез вместе с логотипом — они будто сгорели. В оставшемся перед глазами оранжевом пламени возникла надпись мелким шрифтом: «Добро пожаловать в Ускоренный мир»; потом она взорвалась, как фейерверк. Что это еще за «Ускоренный мир»?

Харуюки затаил дыхание в предвкушении. В таком состоянии он просидел секунд десять.

Однако ни его тело, ни окружающий мир меняться совершенно не намеревались. Под школьной формой он, как всегда, обливался потом, а недовольных взглядов от окружающих столиков становилось все больше.

Выдохнув резко, но продолжительно, Харуюки вопросительно взглянул на Черноснежку.

«Это... этот «Брэйн Бёрст», это?..» — спросил он мысленно. Однако старшеклассница в черном, не убирая улыбки с лица, ответила совершенно невпопад:

«Он установился без проблем. Я была уверена, что ты годишься».

«Гожусь? Для этой программы?»

«Да. «Брэйн Бёрст» установится, только если у человека достаточно высокая скорость ответа нейронов мозга. Например, у кого-то, кто набирает абсурдно высокие очки в виртуальных играх. Когда ты смотрел на иллюзорное пламя, программа измеряла скорость реакции твоего мозга. Если бы ты не подошел, ты даже логотипа бы не увидел. Однако... ты меня немного удивил. Я в свое время две минуты сомневалась, прежде чем принять эту необычную программу. В результате речь, которую я подготовила, чтобы тебя убедить, оказалась ненужной».

«А... прости. Но это... ничего вроде не происходит. Это что, не резидентное приложение, а разового запуска?»

«Подожди, не все сразу. Сейчас тебе нужно будет немного подготовиться морально. Базовые функции я объясню позже. Вообще-то у нас достаточно времени».

Харуюки кинул взгляд на часы в нижнем правом углу поля зрения. Половина большой перемены уже прошла. На его взгляд, времени у них вовсе не было достаточно.

Мучительно ощущая любопытство и отвращение, наполняющие воздух, он откинулся назад. Стул под ним возмущенно пискнул.

Это был знакомый звук, однако сейчас Харуюки казалось, что даже стул смеется над его уродливой и комичной внешностью; он закусил губу. Ни за что ему не полюбить такую реальность. Если она может быть изменена — каким бы ни было это изменение, он согласен.

«...Я уже морально готов. Пожалуйста, объясни мне насчет этой программы...»

Когда он произнес эти слова —

Со стороны входа в рекреацию за спиной Харуюки раздался голос, слышать который он не хотел больше всего на свете.

— Ты, сви-... Арита! Попался!!!

Харуюки рефлекторно съежился и соскочил со стула. Обернувшись, он увидел стоящего у входа Араю с багровой рожей; а ведь он, как правило, не уходил с крыши до конца большой перемены.

На лице Харуюки удивление сменялось страхом, и в то же время на лице Араи ярость сменялась сомнением. Когда Харуюки встал, Арая увидел прежде заслоненные его телом стройную фигурку Черноснежки и кабель, соединяющий их линкеры.

Застыв, как примороженный, Харуюки ощутил, что аура, исходящая от окружающих учеников (за исключением членов студсовета), чуть изменилась. Какие именно отношения существуют между двумя школьниками с одинаковыми зелеными галстуками — здоровенным Араей и низкорослым, толстым Харуюки — они, скорее всего, поняли сразу. Однако же на Араю они смотрели не с презрением, а, скорее, с видом «ах, вот оно, значит, что».

Прекратите... прекратите это прямо сейчас, — отчаянно молил про себя Харуюки. Он совершенно не хотел, чтобы Черноснежка узнала, что над ним измываются. «Сейчас я тут закончу, а потом куплю булки и отнесу на крышу; пожалуйста, дождитесь меня там». Намереваясь сказать эти слова, он развернулся к Арае и выдавил улыбку.

При виде этой улыбки лицо Араи побагровело еще сильнее. В ужасе Харуюки увидел, как его губы беззвучно произнесли «свинтус». Похоже, Арая абсолютно неправильно понял смысл этой улыбки в сочетании с Прямым соединением между Харуюки и самой знаменитой ученицей школы.

Глаза Араи загорелись, он молча раздвинул живую изгородь, отделявшую общую столовку от рекреации, и вошел. Громко стуча каблуками сменки, он приближался к Харуюки по прямой. Прихвостни А и Б следовали за ним с несколько напряженными лицами.

Безнадежно. С этой мыслью Харуюки отступил на шаг.

Арае было 13 лет, как и Харуюки, но для своего возраста он был просто невероятно высоким. И очень мускулистым — видимо, занимался каратэ или чем-то подобным. На нем был чересчур короткий блейзер поверх чересчур длинной светло-сиреневой рубашки и чересчур широкие брюки. Волосы, окрашенные в золотой с белым оттенком цвет, пиками торчали во все стороны.

Образ дополняли маленькие брови, пирсинг в обоих ушах и закошенные чуть вверх горящие глаза; и все это излучало опасность.

Средняя школа Умесато относится к частным подготовительным школам, но в наш век низкой рождаемости в большинство средних школ берут без экзаменов. Так что отморозки вроде Араи могут поступать свободно и быть уверенными, что легко найдут здесь себе жертву.

Так вот и получилось, что Харуюки угодил в его кабалу в первый же учебный день. Сейчас он вяло смотрел снизу вверх на возвышающегося над ним Араю.

— Не делай из меня идиота.

Услышав эти слова, вырвавшиеся из искривленных губ Араи, Харуюки собрался было скромно извиниться, но тут —

Из-за его спины донесся реальный голос Черноснежки с ее классной, неподражаемой интонацией.

— Ты Арая-кун, я полагаю?

Арая явно удивился, но тут же льстиво улыбнулся. Даже он рад, что его имя помнит «та самая Черноснежка».

Однако от следующих слов офигел не только Арая, но и Харуюки.

— Я слышала про тебя от Ариты-куна. Про то, что тебя, возможно, по ошибке отправили из зоопарка сюда, в школу.

У Араи отвалилась челюсть, и его начало трясти. Харуюки смотрел в полной растерянности.

— Чт... чт... что...

Губы Араи пришли в движение, и одновременно Харуюки попытался крикнуть: «П-почему ты так сказала?»

Но эта мысль так и не обратилась в слова. Арая взревел:

— Ах ты тварь! Убью, свинья!!!

Харуюки съежился от страха. Он увидел, как правая рука Араи сжалась в кулак и размахнулась.

И в это мгновение в его мозгу раздался резкий, приказывающий голос Черноснежки.

«Быстро крикни! «Бёрст линк»!!!»

Харуюки понятия не имел, использовал он реальный голос или мысленный, чтобы произнести эту короткую команду. Однако он почувствовал, что звук отдался во всем его теле.

«Бёрст линк»!!!

БАММ!!! И весь мир вздрогнул.

Разом исчезли все цвета, сменившись расползающимся во все стороны прозрачно-синим. Рекреация, пляшущиеся ученики, Арая прямо перед Харуюки — всё и все стали монотонно-синими.

И все застыло.

Кулак Арай, который должен был через секунду отправить Харуюки в полет, так и остановился в нескольких десятках сантиметров от его лица. Харуюки смотрел на это в полном офигении.

— У... уаааа!!! — наконец вырвалось у него, и он отпрыгнул назад.

В результате этого действия он обнаружил еще кое-что, во что невозможно было поверить.

Его собственная спина. Она была такого же синего цвета, как Арая, — округлая спина, неестественно застывшая в смешной съезженной позе. Выглядело так, будто одна лишь душа покинула его тело.

Что же тогда с ним самим?! Харуюки в изумлении опустил голову и обнаружил знакомого розового поросенка. Несомненно, это аватар, которым он пользуется в локальной сети школы.

Совершенно ничего не понимая, Харуюки развернулся на трясущихся ногах.

Его глазам открылась еще одна странная картина.

Черноснежка элегантно сидела на стуле, выпрямив спину и сведя колени. И ее тело, и торчащий из шеи кабель тоже были прозрачно-синие, как из хрусталя.

А рядом с ее телом стоял и загадочно улыбался ее аватар в черном платье, с зонтом и крыльями бабочки.

— Чт... что это?! — со страхом в голосе выкрикнул Харуюки. — Полное погружение?! Или... выход из тела?

— Хи-хи, ни то, ни другое, — весело ответила Черноснежка. — Мы под воздействием «Брэйн Бёрста». Мы «ускорились».

— Ус... ускорились?..

— Да. Кажется, что все вокруг остановилось, но это не так. Просто наше сознание работает на сверхвысоких оборотах.

Черноснежка сделала несколько шагов вперед, сверкая серебряными бисеринками на манжетах, и остановилась возле застывших синих фигур реальных Харуюки и Араи. Кончик ее зонта указал на кулак Араи, замерший на траектории прямого правого хука.

— Этот кулак тоже, хоть ты этого и не видишь, очень медленно движется... как часовая стрелка на часах. Если мы подождем, в конце концов он пройдет эти восемьдесят сантиметров, и мы увидим, как он оставит вмятину в твоём лице.

— Это плохая шутка. Нет, о чем это я... погоди минуту.

Харуюки обхватил голову своими пороссячьими копытцами, отчаянно пытаясь рассортировать информацию.

— Это, это значит... наши души не вышли из тела, да? То есть мы думаем нашими настоящими головами?

— Быстро схватываешь. Все так и есть.

— Но ведь это странно! Если ускорились только мысли и чувства, то... я бы не мог двигаться вне собственного тела и смотреть на него... не мог бы говорить с семпаем!

— Хмм, хороший вопрос, Харуюки-кун.

Черноснежка кивнула, как учительница, и, покачивая стекающими до пояса волосами, подошла к столику.

— Синий мир, который мы видим, — это реальный мир в реальном времени, но видим мы его не благодаря свету, преломляющемуся в наших глазах. Загляни-ка под стол.

— Х-хорошо.

Харуюки согнулся всем своим поросычьим телом, которое было меньше реального, и заглянул под синий стол.

— Аа, что?

Странно. Стол деревянный, и по поверхности его по всей длине видны древесные волокна. Однако нижняя его сторона — гладкая, как пластик, и совершенно без текстуры.

— Что это... смахивает на полигоны?..

Подняв голову, он увидел, что Черноснежка закивала.

— Точно. Этот синий мир создан из снимков, которые делают Общественные камеры в рекреации; эти снимки перерабатываются в 3D-сцены и посылаются тебе в мозг через нейролинкер. Все, что находится в мертвых зонах камер, заполняется соединительными поверхностями. Так что заглядывать девушкам под юбки бесполезно.

Общественные камеры на самом деле называются «Камеры наблюдения за общественной безопасностью» и предназначены для поддержания правопорядка; располагаются они по всей Японии и объединены в правительственную сеть видеонаблюдения. Даже частная школа не может уклониться от размещения на своей территории этих камер. Данные, разумеется, защищены мощными системами безопасности национального уровня, и у обычного гражданина заглянуть в них нет ни единого шанса — так говорят, но...

Размышляя на эту тему, Харуюки машинально проследил взглядом за ногами девушки из студсовета, сидящей за столиком. Он убедился, что изящные линии заканчиваются ровно на уровне края юбки.

Он поспешно выпрямился и увидел колющий взгляд Черноснежки.

— На мои ноги не смотри. Они в поле зрения камер.

— Я... не буду.

Не без труда справившись со своим взглядом, Харуюки помотал головой.

— Т-так, ну, теперь я это увидел и более-менее понял теорию. Это мир в реальном времени, из которого сделали 3D-сцену... и мы пользуемся аватарами взамен тел, чтобы смотреть и говорить через Прямое соединение. Так?

— Так. Сейчас ты для удобства используешь свой аватар школьной локальной сети.

— Если можно, я бы предпочел другой, — пробормотал Харуюки и глубоко вздохнул. Покачивая пороссячьей головой, чтобы разложить мысли по полочкам, он вновь посмотрел на аватар Черноснежки.

— Но... это только половина. Я теперь вот о чем хочу узнать. ...«Ускорение» — что это такое конкретно? Я никогда не слышал, чтобы у нейролинкера была эта функция, почти остановка времени!

— Конечно, потому что способность линкера ускорять время — секрет, который проявляется лишь с помощью программы «Брэйн Бёрст» и только у людей, у которых эта программа стоит.

Прошептав эти слова, Черноснежка подняла левую руку и ткнула пальцем в нейролинкер размера XL на застывшей шее реального Харуюки.

— Харуюки-кун, ты знаешь принцип работы нейролинкера?

При виде того, как ее тонкий палец притрагивается к «его» шее, внутри Харуюки словно толкнулось что-то. Он кивнул.

— Д-да... ну, общие вещи. С помощью квантового соединения с клетками мозга можно пересылать картинку, звук и прочие ощущения, и одновременно отключаются реальные пять чувств...

— Все верно. И этот принцип в корне отличается от шлемов виртуальной реальности двадцатых годов и имплантатов тридцатых. Квантовое соединение — не биологический механизм. Оно не дает дополнительную нагрузку на нервные клетки, и можно делать разные невероятные вещи... и кто-то это понял.

— Нервероятные... в смысле?

На вопрос Харуюки Черноснежка ответила довольно неожиданным встречным вопросом.

— Ты имел дело с компьютерами двадцатых годов?

— Д-да, ага. У меня даже есть дома один.

— В таком случае ты должен знать, как называется частота, на которой работает компьютер?

— Тактовая частота?..

Черноснежка удовлетворенно кивнула.

— Да... осциллятор на материнской плате генерирует сигнал, потом для CPU его частота повышается с помощью множителя, и уже на этой умноженной частоте он и работает. Так вот, сознание в мозгу человека работает по тому же принципу.

— Что?!. — Харуюки выпучил глаза, и его пяточек резко выдохнул. — Не, не может быть. Где у нас осциллятор?

— Здесь, — мгновенно ответила Черноснежка; обняв синего реального Харуюки спереди и шаловливо закатив глаза, она положила левую руку ему на спину.

— Ч-что ты делаешь?

— Вот сейчас твой осциллятор стал колебаться немного быстрее. Ты ведь уже знаешь, что это... это сердце! Сердце — это не просто насос для перекачивания крови. Его ритм определяет скорость мысли — это и есть генератор тактовой частоты.

Сделав вдох, Харуюки прикоснулся к своей поросычьей груди. Черноснежка, словно играясь с ним, не отводила руки от области его сердца.

— Даже если тело неподвижно, частота сердечных сокращений, в зависимости от ситуации, может и возрасти... как у гонщика. Почему? Для мышления. Анализ ситуации, прогноз ее развития — для этого необходимо «ускорение». Или когда два любящих человека прикасаются друг к другу. Чтобы в полной мере ощутить каждую минуту, каждую секунду — они «ускоряются».

Палец Черноснежки медленно поднялся от сердца реального Харуюки к его шее.

— Сердце своим сокращением создает квантовую пульсацию, которая проходит по центральным нервам в мозг — орган мышления. Если — если этот сигнал перехватывается нейролинкером и разгоняется, что происходит?

У Харуюки мурашки побежали по спине.

— Мысли... ускорятся?

— Совершенно верно; для нейролинкера такое вполне возможно. И это совершенно безвредно как для физического тела, так и для клеток мозга. Прямо сейчас наши нейролинкеры ускоряют частоту биений сердца и пересылают ее в мозг в виде беспроводного квантового сигнала. Множитель может достигать тысячи раз!

— Тысяча... раз...

Харуюки мог лишь изумленно повторить услышанное. Его парализованное сознание сотрясал текущий голос Черноснежки.

— Мыслительный процесс ускоряется в тысячу раз. Это означает, что одна секунда в реальности превращается в тысячу; то есть ты проживаешь шестнадцать минут сорок секунд субъективного времени.

Это намного, намного больше, чем в случае гонщика Ф-1. Это не технология уже — это почти магия, «остановка времени».

Что же можно сделать с помощью этого чудесного явления... пока Харуюки раздумывал над этим, Черноснежка, словно заметив что-то, вдруг шепотом ойкнула.

— ?..

— Ох, прости. Я слишком увлеклась объяснениями, и мы потратили чересчур много времени. Я совершенно забыла, что реального тебя скоро стукнут.

— Апп...

Харуюки поспешно засеменил ногами, обходя застывшего синего себя спереди.

Ну да, они говорили минут пять (где-то 0.3 секунды реального времени); кулак Араи успел преодолеть немалое расстояние. До контакта с круглой щекой Харуюки оставалось меньше 50 сантиметров.

Лицо Араи было искажено жестоким упоением; трудно было поверить, что оно собрано из кадров, которые делают скрытые в потолке Общественные камеры.

Чему это он радуется? ...Да нет, ему есть чему радоваться. Его кулак направляется в меня, а я беспомощно стою с пустой физиономией — никчемный тип в натуральную величину.

Эта мрачная мысль пронеслась в сознании Харуюки; он повернулся к Черноснежке.

— ...Эмм, а это «ускорение» — сколько оно длится?

— Теоретически — сколько угодно. Однако в программе «Брэйн Бёрст» установлено ограничение; твое ускорение может длиться не больше тридцати минут субъективного времени — это примерно одна и восемь десятых реальной секунды.

От этих спокойных слов Черноснежки глаза розового поросенка, аватара Харуюки, вылезли из

орбит. Если реальный он будет сидеть неподвижно целых две секунды, кулак Араи пройдет оставшиеся сантиметры и постепенно вмажется ему в нос.

— ...Меня же избьют! — выкрикнул Харуюки; в его воображении возникла картина его собственного тела, медленно взлетающего в воздух. Однако Черноснежка лишь весело рассмеялась и ответила:

— А, не волнуйся. Конечно, ты можешь выйти из ускоренного состояния в любой момент.

— О, о... вот как. Значит, я могу вернуться в реальность и успеть уклониться от удара...

— Легко. Хи-хи, это самое легкое для понимания применение «ускорения». В ситуациях, когда требуется скорость реакции, которой твое физическое тело не обладает, ты можешь спокойно все обдумать, а потом отменить «ускорение» и сделать все, что надо.

Все как она говорила: до сих пор он не мог уклоняться, когда его колотили, потому что от страха не мог анализировать траектории ударов Араи и тем более уклоняться от них, но сейчас, в ускоренном состоянии, он все отчетливо понимал.

После отмены «ускорения» надо сдвинуться влево. Всего 15 сантиметров будет достаточно. Харуюки сглотнул, пока эта мысль впитывалась ему в голову, и вопросительно глянул на Черноснежку в ожидании, что она скажет ему команду отмены.

Однако, прежде чем он спросил, черная красавица произнесла нечто немыслимое.

— Однако ты не уклоняйся. Раз уж он посмел ударить тебя здесь, Харуюки-кун.

— Уда-...

Пятачок Харуюки задрожал, и он выкрикнул:

— Ни, ни за что! Это больно.

— Чему?

— Что?.. В к-каком смысле «чему»?..

— Я спрашиваю, больно будет твоему телу или душе?

Улыбка исчезла с лица аватара Черноснежки. Не дожидаясь ответа Харуюки, она, цокая каблучками, подошла и встала прямо перед ним.

Черноснежка была на полметра выше, чем поросычье тельце Харуюки; но она наклонилась и взглянула ему в глаза почти в упор. Харуюки стоял как истукан, у него перехватило дыхание.

— Тебя ведь не впервые избивает ученик по фамилии Арая.

— Д... да.

Несомненно, Харуюки не хотел, чтобы она узнала об издевательствах над ним; так почему же он кивнул?

— Однако до сих пор он не был наказан, и этому есть две причины. Первая — разумеется, то, что ты это все покорно принимаешь. А вторая — то, что насилие и вымогательство со стороны Арай удивительным образом всякий раз происходят вне поля зрения Общественных камер.

Ну да — били Харуюки всегда либо на крыше, за трубой котельной, либо за школой, либо еще в других местах, куда ученики обычно не ходят. Однако это все было не для того, чтобы держаться подальше от посторонних глаз, а чтобы избегать камер.

С непонятным выражением лица Черноснежка выпрямилась.

— К сожалению, во вторых и третьих классах тоже попадают люди наподобие этого типа. У них есть нечто вроде сети, там они обмениваются всякой всячиной, например незаконными программами, которые информируют их о зонах действия Общественных камер. Они и хвоста не покажут в зоне камер... даже этому новенькому уже должны были ясно сказать.

Ледяной взгляд Черноснежки вновь обратился на синего Арая, потом она странно спокойным голосом продолжила:

— Но все-таки он еще ребенок. Я спровоцировала его, и он потерял голову и применил насилие здесь, где всюду камеры. Послушай, Харуюки-кун, это твой шанс. Увернуться от этого удара будет легко, но тогда Арая придет в себя и просто уйдет. И с ним уйдет шанс дать ему то, чего он заслуживает.

...И тогда Арая снова будет над ним измываться. Он отомстит, и по сравнению с этим все, что было раньше, покажется игрой — такое Харуюки мог представить себе с легкостью. Содрогнувшись, Харуюки взглянул на реального себя и на приближающийся кулак Арай.

Эта костлявая правая рука тверда как камень; получить этой рукой по лицу очень больно, так что плакать хочется. За последние полгода Харуюки испытывал эту боль чаще, чем ему бы хотелось. Однако —

На самом деле болело не физическое тело — болела душа. Это его гордость разрывали в клочья.

— ...Мм.

Харуюки нерешительно спросил Черноснежку:

— Если я буду правильно пользоваться «Брэйн Бёрстом», я смогу победить этого типа в драке?

Красивое лицо Черноснежки бесстрастно смотрело прямо на него.

— ...Ты победишь. Сейчас твоя сила намного больше, чем у неускоренных людей, — сила «Бёрст-линкера». Ты можешь нанести ему столько ударов, сколько захочешь, и при этом не пропустить ни одного — если таково твое желание.

Мое желание. Как же можно такого не желать?

Изящно уклониться от всех каратэшных ударов Араи, заставить его выглядеть хуже свиньи. Разбить ему нос, выбить передние зубы, все до единого, а он пусть плачет, умоляет, стоя на коленях, рвет на себе свои красивые золотые волосы.

Скрипнув зубами, Харуюки вздохнул и дрожащим голосом сказал Черноснежке:

— ...Нет, я так не буду. Я позволю ему себя ударить... это ведь такой редкий шанс.

— ...Фф.

Черноснежка удовлетворено улыбнулась и медленно кивнула.

— Мудрое решение. Так, надо обеспечить минимальный ущерб при максимальном эффекте. Как только «ускорение» закончится, сразу отпрыгни назад и вправо. И не забудь лицо тоже вправо отвернуть.

— Ла... ладно.

Харуюки встал за спиной у реального себя и проследил траекторию кулака Араи. Ну точно — если он отпрыгнет и одновременно развернет голову, даже сила каратиста уйдет в основном в никуда.

Он повернулся, чтобы проверить, куда отлетит он сам. Столик был слева, справа же — лишь пустое пространство, никаких препятствий до самого окна, выходящего на школьный двор. То есть — никаких, кроме одного человека.

— Ой, нет... плохо. Если я отсюда прыгну туда, то врежусь в сепая.

Харуюки стоял всего в метре от сидящей на стуле Черноснежки. Если он вмажется в нее всей своей тушей — страшно подумать, что станет с ее хрупким телом.

Однако аватар в черном лишь легонько пожал плечами.

— Неважно, так даже эффектнее выйдет. Не бойся, я уклонюсь, ничего со мной не случится.

— ...Л-ладно...

Ну да, если знать заранее, вполне можно уклониться. Харуюки заставил себя кивнуть.

— Мало времени осталось. Быстрее зайди в реального себя.

Чувствуя, что его подтолкнули в спину, Харуюки шагнул вперед, и его поросячий аватар наложился на синего реального Харуюки. Черноснежка у него за спиной вроде бы тоже села на свое место — ее голос шел с более низкого угла, чем раньше.

— Так, теперь я научу тебя отменять ускорение. Удачи — «Бёрст аут»!

Харуюки сделал глубокий вдох и —

«Бёрст аут»!

Тишину разорвал звук, похожий на рев двигателя стремительно приближающейся машины. Синий мир постепенно вернул себе нормальные цвета.

Спереди-слева застывший кулак Араи постепенно сдвинулся с места. Сначала медленно, как улитка, потом все быстрее — он летел к щеке Харуюки.

Харуюки сделал, что было сказано, — толкнувшись обеими ногами, отпрыгнул вправо и вправо же резко отвернул голову. Стремительно приближающийся кулак коснулся кожи, чуть погрузился —

И мир вернулся к нормальному состоянию.

«Уааа!» — раздалось со всех сторон; и одновременно левая щека Харуюки ощутила удар кулака. Внутренняя сторона щеки ударилась о зубы, и Харуюки почувствовал, что у него треснула губа. Потекла кровь; однако по сравнению с приемчиками каратэ, которые он ловил прежде, боли было вдвое меньше.

Но тело Харуюки взлетело в воздух — шикарно, как в кино.

Пожалуйста, увернись! Харуюки молился в душе, когда его спина вмазалась в стоящий сзади стул. Он ощутил приятный запах и прикосновение мягких волос.

Стул с грохотом опрокинулся, потом раздался какой-то зловещий стук.

Харуюки упал спиной на пол, так что у него дыхалку перебило; глотая воздух ртом, он резко повернул голову, пытаясь понять, сумела ли уклониться Черноснежка.

Его распахнутые глаза увидели — отброшенное к стене хрупкое тело. Голова прислонена к подоконнику, руки-ноги раскинуты, как у сломанной куклы, глаза закрыты.

Из-под взлохмаченной челки по белой, почти прозрачной щеке стекала струйка крови.

— А... ах.

Подавляя рвущийся крик, Харуюки попытался вскочить. Но прежде чем он успел это сделать —

«Не двигайся!!!»

По мозгам Харуюки ударил мысленный приказ Черноснежки, пришедший через все еще действующее Прямое соединение. Его тело среагировало, замерев в лежащем положении, и он ответил:

«Но, но... кровь же!!!»

«Не страшно, просто небольшой порез. Я же сказала, нам нужен максимальный эффект. Больше Араю ты не увидишь. Второго раза не будет».

После этих слов Черноснежки Харуюки лишь взглядом провел слева направо.

Арая, по-прежнему стоящий с распрямленной рукой, тупо смотрел сверху вниз на Харуюки и Черноснежку. Кровь постепенно отхлынула от его лица, тонкие губы дернулись, потом еще раз, потом еще.

Посреди повисшего над рекреацией молчания...

— ...Кяааааа!!! — рванулись вопли учениц от соседних столиков.

Арая и прихвостни А и Б не сопротивлялись, когда парни из студсовета скручивали их. Потом примчались запыхавшиеся учителя, и троицу с зеленоватыми лицами и трясущимися ногами увели. Девушки из студсовета проводили Черноснежку в травмопункт.

Сам Харуюки отправился в школьный медпункт, где врач наклеил ему пластырь. В ушах Харуюки звучали последние слова, которые ему сказала Черноснежка, прежде чем вытащить кабель для Прямого соединения.

«...Ой, чуть не забыла сказать. Пока не придешь завтра в школу, ни в коем случае не снимай нейролинкер. Но при этом ни на секунду не выходи в Глобальную сеть. Понял? Ни на секунду! Обещай мне».

Харуюки не мог понять, что означал этот ее приказ. За два часа, проведенных в медпункте, в нем возникло некое ощущение отстраненности. Вчера и сегодня столько всего произошло — Харуюки понятия не имел, как он будет это раскладывать по полочкам.

Ну, по крайней мере он может не беспокоиться больше о том, что его кроссовки пропадут из обувного шкафчика или, наоборот, в них обнаружится что-то лишнее. Механически переобувшись, он вышел из здания школы и, как ему было велено, отключил нейролинкер от Глобальной сети.

Что бы это значило?.. Снова думая об этом, он зашагал к школьным воротам, и тут —

— Хару, — донесся до его ушей тихий голос, и он резко затормозил.

Обернувшись, он увидел в тени освещенного закатным солнцем школьного здания маленькую фигурку. Обнаружив, что его лицо напряглось, он обратился к фигурке по имени.

— ...Тию.

Он не забыл; вчерашнее происшествие, которое он усиленно выпихивал из сознания, прокрутилось перед его глазами. Уаа, что же мне делать, нет, в первую очередь извиниться, больше я ничего не могу, в панике думал он; тем временем Тиюри Курасима с непонятным выражением лица шагнула на мягкую синтетическую дорожку школьного двора и двинулась к Харуюки.

— Аа... это... вчера, эээ.

— Хару, я слышала, что произошло на большой перемене, — произнесла Тиюри, перебив его бессвязный лепет.

— Что? На перемене... аа, ах.

— Они тебя ударили, и ты даже отлетел... вот здесь ты поранился? Больно?

Лицо Тиюри с большими нахмуренными бровями придвигалось все ближе; левая рука Харуюки

машинально прикрыла пластырь возле рта. «Да нет, это я сам так шикарно отлетел» — но нет, этого он сказать не мог.

— Д... да ладно, нормально. Просто чуть поранился. И больше нигде не болит.

— ...Ясно, слава богу.

Лицо Тиюри оставалось напряженным, но теперь на нем появилась слабая улыбка. Девушка быстро огляделась. После того, что было на большой перемене, Харуюки стал темой пересудов всей школы; ученики, возвращающиеся домой, пялились на него без капли стеснения.

— Давай для разнообразия пойдем домой вместе, — решительно произнесла Тиюри и зашагала, не дожидаясь Харуюки.

«Для разнообразия», сказала она; а мы ведь с самого поступления в среднюю школу вместе не ходили. Но если сейчас Харуюки скажет «нет» и сбежит, это будет повторением его вчерашней дурости. Да. Что бы ни произошло, как минимум надо извиниться за вчерашнее.

Тиюри шла широкими шагами, каких трудно ожидать при ее маленьком росте. Харуюки пришлось пробежаться немного, чтобы ее догнать; потом он засеменил рядом с ней, но на некотором расстоянии. Так они вышли из ворот школы и двинулись вдоль дороги; молчание нарушал лишь гул колесномоторных машин.

Обычно, покинув школу, Харуюки шел с закрытыми глазами, а окружающие люди, велосипеды и машины отображались в его сознании цветными символами; но сейчас, отсоединившись от Глобальной сети, навигацией он пользоваться не мог. Почему Черноснежка заставила его так сделать? Харуюки снова погрузился в раздумья, как вдруг идущая справа от него Тиюри произнесла это самое имя, так что он едва не подпрыгнул.

— А правду говорят, что у тебя было Прямое соединение с Черноснежкой-сан из второго класса?

— Чего?! Отк-куда...

«Откуда ты знаешь?» — он это хотел спросить, но тут же понял, что ничего удивительного тут нет. Его Прямое соединение с Черноснежкой наверняка произвело на всех куда большее впечатление, чем нападение Арай.

— ...В общем, да...

Не глядя на кивнувшего Харуюки, Тиюри поджала губки и зашагала еще быстрее. Такое выражение лица говорило о высшей степени недовольства — Харуюки настолько давно был знаком с Тиюри, что знал это прекрасно. Что вообще ей не нравится? Подумав чуть-чуть, он

нашел ответ и на этот вопрос. Идиот, швырнувший на пол приготовленное ей бэнто, вместо того, чтобы извиниться, пошел и занялся чем-то непонятным с другой девушкой — кто угодно бы рассердился, не только Тиюри.

— Но, но, но там ничего такого странного не было. В смысле, я всего лишь скопировал у нее одну программу.

Несмотря на октябрьскую погоду, спина Харуюки обливалась потом, пока он пытался объясниться. Однако лицо Тиюри спокойным все не становилось. Похоже, все-таки в первую очередь надо извиниться за бутерброды! Поняв это, Харуюки начал изо всех сил стараться выстроить в голове слова в правильной последовательности.

— Я д-другое хотел сказать... вчера...

Но, когда он наконец договорил до этого места, другой голос, донесшийся спереди, заставил его проглотить все последующие слова.

— Привет, Хару, Ти-тян! Вот это совпадение; тоже домой идете?

Тиюри резко остановилась, а Харуюки поднял голову. С верхних ступеней эскалатора седьмой кольцевой линии им махал мальчик, их ровесник.

Его школьная форма была не такая, как в Умесато, а сине-серая со стоячим воротничком на пиджаке. В правой руке он держал старомодную черную кожаную сумку, за плечом висел синай[□]Синай — бамбуковый (сейчас их делают и из углепластика) меч, применяемый в кендо. в футляре. Чуть длинноватые опрятные волосы с прямым пробором, красивое лицо, идущее ему больше, чем кому бы то ни было; да и вообще красивый парень.

— А... Так-кун!

Моргнув несколько раз, Тиюри улыбнулась.

А только что была такая недовольная. При этой мысли Харуюки в третий раз за короткий промежуток времени мысленно прошептал «ну разумеется». Она ведь шла с противным типом, который бросил ее бутерброды, а теперь случайно повстречалась со своим парнем.

Такуму Маюдзуми, друг детства Харуюки и Тиюри, подбежал к ним (футляр с синаем раскачивался за спиной) и с радостной улыбкой сказал Харуюки:

— Привет, Хару! Давно не виделись.

— Привет, Таку. Давно не виделись... правда, что ли? — ответил он, глядя в лицо Такуму,

который был на десять сантиметров выше него.

— Ну да, я тебя вживую уже две недели не видел. Ты и на домовых мероприятиях не появляешься.

— Я на соревнованиях иногда бываю, — насупив брови, ответил Харуюки. В улыбке Такуму отчетливо читалось «ну, ты как всегда».

Они трое были ровесниками и жили в одном и том же многоквартирном доме в северном Коэндзи. Но одного лишь этого было недостаточно, чтобы Харуюки подружился с мальчиком, у которого было все, чего не было у него.

К счастью, Такуму учился настолько хорошо, что смог поступить в престижную школу всех ступеней[□]Обычно в Японии начальная, средняя и старшая школы — это разные школы, в каждую из которых надо сдавать вступительные экзамены. Однако есть и школы всех ступеней (называемые еще «школами-эскалаторами»), в которых дети учатся с младшешкольного возраста до поступления в ВУЗ. в Синдзюку, и именно поэтому Харуюки мог общаться с ним, ни о чем не думая. Ведь Такуму не приходилось видеть, как над ним издеваются в районной начальной школе.

Что касается Тиюри, ходившей в ту же начальную школу, что и он, то Харуюки сказал ей (то есть упросил ее) не рассказывать Такуму, как к нему относятся. Если бы Такуму узнал, он бы, конечно, спас Харуюки — отловил бы тех гадов и излупил своим синаем.

Однако Харуюки был уверен, что, хоть это и прекратило бы издевательства, после этого он уже не смог бы остаться с Такуму друзьями.

— Да, кстати... — начал Харуюки, когда все трое зашагали вместе. В школе он редко сам начинал беседы. — Я вчера видел по сети видео с городского турнира. Таку, ты просто супер. Всего в первом классе, а уже чемпион.

— Да ладно, просто повезло, — Такуму поскреб в затылке и улыбнулся, как от щекотки. — Проблемный парень отселился в полуфинале. И еще Ти-тян помогла, она приходила поболеть.

— Э, что, я?! — распахнув глаза, воскликнула Тиюри, идущая рядом с Такуму с другой стороны. — При чем тут я, я ничего, я просто сидела в уголке и смотрела...

— Ха-ха-ха, а кто вопил «выруби его!», не ты? — весело рассмеялся Такуму. — И потом, ты сказала мне, что, если я проиграю, ты не дашь мне бэнто. У тебя тогда был такой серьезный вид, Ти-тян.

— Блин, я ничего не слышу! Ничего не слышу!

Глядя, как Тиюри закрыла уши руками и ускорила шаг, Харуюки пихнул Такуму локтем в бок.

— Понятно, вот, значит, почему ты так серьезно настроился на финальный бой.

— Типа того, ха-ха-ха.

Смеясь вместе с Такуму —

Да, это здорово, подумал Харуюки.

Два года назад он сделал правильный выбор. Сейчас они могут говорить друг с другом так же, как и раньше.

Он не хотел, чтобы их отношения развалились.

И тут Такуму, словно идя в контратаку, весело произнес:

— Хару, ты ведь тоже вчера ел бэнто Ти-тян?

— Ээ, нет, это, в общем...

Глядя на резко напрягшуюся спину Тиюри, Харуюки слегка запаниковал. О нет, я же до сих пор не извинился, надо сейчас, а может по мэйлу, когда вернусь...

Нет, постойте-ка.

Откуда Такуму об этом знает?

У Харуюки заплелись ноги, и он чуть не упал, но Такуму, ойкнув, вовремя поддержал его. Однако Харуюки этого даже не заметил; его мозг перегревался от мыслей.

Тиюри сделала те бутерброды, потому что знала, что его обеденные деньги отбирает Арая и его компашка. Она не очень хорошо готовит; так, может, она это сделала по совету Такуму?

Если так, это значит, что Тиюри рассказала Такуму. Что над Харуюки измываются. Иначе он бы не сказал того, что сказал сейчас.

Мозги Харуюки уже раскались добела. Сам того не сознавая, он стряхнул руку Такуму, поддерживающую его за правый локоть.

— Э, эй, Хару?..

Харуюки был не в силах смотреть Такуму в глаза. Его взгляд наткнулся на застывшее лицо Тиюри. Ее губы дернулись, но, прежде чем она успела что-либо сказать, Харуюки выпалил:

— Ой... простите, там скоро одна передача начнется, я ее очень хочу посмотреть! Так что я побегу; Таку, пока!

И он побежал. Его ноги заплетались, несколько раз он чуть не упал, но все равно бежал что было сил.

Те двое, наверно, опять начнут совещаться. Как спасти Харуюки.

От одной мысли об этом у Харуюки возникло такое чувство, будто в его внутренности впились острые ножи. Какая ирония: именно сейчас, когда случилось чудо и Арая исчез, выяснилось, что Такуму об издевательствах уже знает.

До самого подъезда — нет, даже до самого лифта — Харуюки не останавливался ни на секунду.

Этой ночью он видел сон, несомненно, худший за всю его жизнь.

Засранцы из начальной школы, Арая, его прихвостни А и Б и прочие сволочи-школьники, чьих имен он даже не знал, возникали один за другим и били его.

Чуть в сторонке стояли, держась за руки, Тиюри с Такуму и смотрели. Именно выражение жалости на их лицах, а вовсе не боль во всем теле, было самым невыносимым.

Потом стали появляться еще зрители. Рядом с Тиюри и Такуму возникла его мать, потом отец, давно ушедший из дому, потом другие жильцы дома, одноклассники — и все они смотрели на него сверху вниз.

Теперь в их лицах была не жалость, но презрительная насмешка. Их было много; все они тыкали пальцами в жалкого, уродливого Харуюки и смеялись.

Прекратите. Я не хочу здесь оставаться.

С этой мыслью он взглянул в темную небесную высь. Там угадывалась чья-то тень. Расправив крылья чернее ночи, она летела легко, точно птица.

Я тоже хочу туда. Выше. Дальше.

Я хочу улететь.

Вдаль.

«...Таково твоё желание?»

<http://tl.rulate.ru/book/111603/4217129>